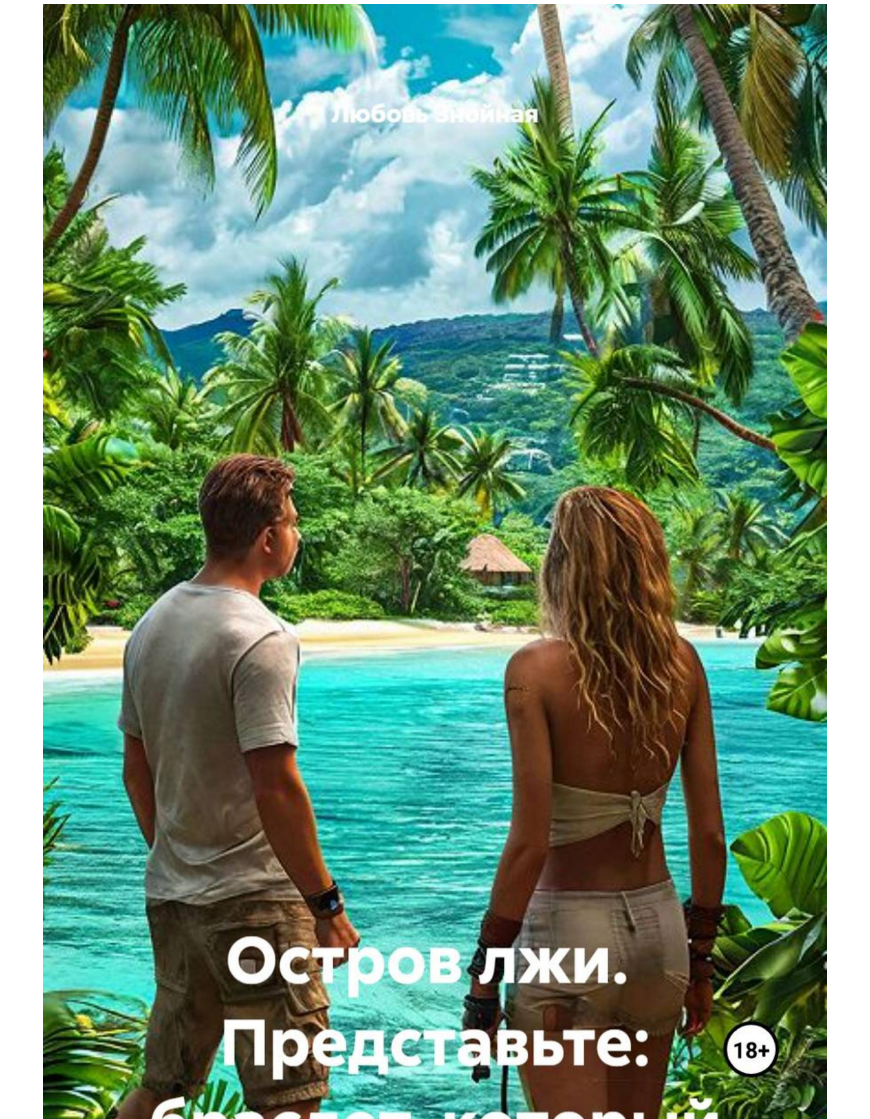

A man and a woman are seen from behind, standing on a lush tropical beach. The man is on the left, wearing a light grey t-shirt and cargo shorts, looking out at the turquoise ocean. The woman is on the right, with long blonde hair, wearing a light-colored backless top and shorts, also looking out at the water. The background is filled with tall palm trees, dense green foliage, and a small thatched-roof hut on the distant shore under a bright blue sky with scattered white clouds.

Любовь Энбойная

Остров лжи.
Представьте:

18+

Любовь Знойная
Остров лжи. Представьте:
браслет, который бьёт
током за каждую ложь

*<https://litres.ru/74237273>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Их брак трещал по швам. Они поехали на тропический остров, чтобы спасти его. Им выдали браслеты, которые бьют током за каждую ложь. Казалось бы — что может пойти не так?

Теперь, чтобы выжить, им придётся признаться друг другу во всём. Под дулами автоматов. Под разрядами браслетов.

Любовь Знойная

Остров лжи. Представьте: браслет, который бьёт током за каждую ложь

Предисловие

Говорят, что брак — это лодка. Сначала ты плывёшь по спокойной воде, наслаждаясь солнцем и бликами на волнах. Потом замечаешь первую течь. Ты можешь заделать её правдой, но правда часто похожа на холодную воду за бортом — обжигает и пугает. Куда проще заклеить пробоину ложью. Маленькой, белой, уютной. «У меня всё хорошо». «Я задержался на совещании». «Я не устала от тебя, просто болит голова».

Мы с Кирой клеили эту лодку годами. Мы превратили её в лоскутное одеяло из взаимного обмана, и она всё равно шла ко дну.

Остров лжи встретил нас не пальмами и белым песком, а запахом озона и металла. Браслеты на наших запястьях слабо пульсировали, напоминая о главном правиле: ложь равна боли. Мы согласились на это, потому что психотерапевт сказал

— это наш последний шанс. Мы думали, что самое страшное — это признаться, кто не выключил кофеварку или кто забыл годовщину свадьбы. Мы не знали, что на самом деле не знаем друг о друге ничего.

Меня зовут Даниил. И я не архитектор.
Мою жену зовут Кира. И она не домохозяйка.
Вокруг нас джунгли, наёмники с автоматами и море.
И кажется, мы снова любим друг друга.
Самое время умереть.

Глава 1. Кожа и металл

Самолёт трянуло, и Кира машинально вцепилась в подлокотник. Её пальцы, тонкие, с аккуратным, почти незаметным маникюром, побелели от напряжения. Даниил сидел слева, у окна, и смотрел на бирюзовую гладь океана с высоты, которая казалась ему сейчас куда более безопасной, чем расстояние в двадцать сантиметров между их плечами.

Они не разговаривали уже три часа. С тех пор как в аэропорту он не смог ответить на простой вопрос: «Ты хочешь сохранить наш брак?». Он просто кивнул, потому что сказать «да» означало бы соврать, а сказать «нет» — перечеркнуть всё. Кира восприняла его молчание как очередное доказательство его чёрствости. На самом деле, Даниил просчитывал в уме маршруты отступления с регистрационной стой-

ки, оценивал углы обзора камер и размышлял, не ошибся ли отдел, выбрав для него легенду семьянина, а не одиночки.

Остров появился внезапно — изумрудная клякса в океанской синеве, окружённая пенным кружевом рифов. «Эдем», — прошептала стюардесса, объявляя посадку. Даниил горько усмехнулся про себя. Эдем для тех, кто ещё верит в сказки. Для него это был просто участок местности с неопределённым статусом безопасности и отсутствием привычной инфраструктуры для экстренной связи.

Их встретили у трапа. Мужчина и женщина в безупречно белых льняных одеждах. Улыбки у них были, как у манекенов — идеальные и ничего не выражающие.

— Добро пожаловать в «Веритас», — пропела женщина, и её голос эхом разнёсся по взлётной полосе. — Здесь начинается ваша новая жизнь. Жизнь без лжи.

Кира выдавила из себя подобие улыбки. Она ненавидела слово «ложь». Оно напоминало ей о бессонных ночах, проведённых за мерцающим монитором, о пальцах, бегающих по клавиатуре, о флешке в потайном кармане косметички, на которой хранилось столько чужих секретов, что хватило бы на сотню шантажей. Но это была не ложь. Это была работа.

Их провели в бунгало, висящее прямо над водой. Пол был стеклянным, и внизу лениво проплывали разноцветные рыбы. Идиллия. Даниил первым делом обследовал помещение на предмет скрытой прослушки — привычка, въевшаяся в подкорку. Он машинально провёл пальцами под столешницей, осмотрел вентиляционную решётку. Кира заметила этот жест. Раньше он говорил ей, что у него пунктик насчёт гигиены и пыли. Сейчас он даже не попытался оправдаться.

Церемония началась на закате. Все десять пар, прибывшие на остров, собрались на белоснежной террасе. Пахло сандалом и солью. Ведущий, харизматичный бородач по имени Марк, говорил о токсинах лжи, о том, как невысказанная правда отравляет организм и душу.

— Сегодня вы получите ключ к освобождению, — вещал он, и в его руках тускло блеснул металлический поднос с браслетами. — Это био-сенсоры «Алетейя». Они считывают микротоки вашей кожи, частоту пульса, проводимость. И самое главное — они чувствуют ложь. Физически. Малейшее искажение правды, даже во благо, даже в мелочи — и импульс заставит вашу нервную систему запомнить: правда — это комфорт, ложь — это боль.

Даниил с сомнением смотрел на тонкий серебристый об-
руч. Похоже на дешёвый фитнес-трекер. Он ожидал, что это

будет какая-то бутафория для доверчивых дураков. Но когда металл сомкнулся на его запястье и иглы-микрозонды безболезненно вошли в кожу, его прошиб холодный пот профессионала. Это не игрушка. Технология была ему неизвестна. И от этого очень опасна.

Кира застегнула браслет с каким-то мрачным удовлетворением. Она взломала системы посерьёзнее, чем какая-то психологическая бижутерия. Она была уверена, что сможет обмануть прибор. Она обманывала полиграфы, детекторы стресса, она контролировала своё тело лучше йогов. Сейчас это было делом принципа.

Их оставили наедине на террасе их бунгало, дав первое задание: ответить на три простых вопроса друг другу. Вокруг стрекотали цикады, волны лизали сваи.

Кира смотрела на мужа. Красивый, подтянутый, с лёгкой щетиной и усталыми карими глазами. Архитектор. Скучный, надёжный, вечно зарытый в чертежи. Так она думала ещё вчера.

— Давай начнём с простого, — сказала она, растягивая губы в улыбке. — Ты любишь меня?

Это была ловушка. Она готовилась услышать уклончивое

«конечно», чтобы посмотреть, ударит ли его током за банальность. Но Даниил поднял на неё глаза, и в них было что-то новое. Не вина, не усталость. Расчёт.

— Я не знаю, что такое любовь сейчас, — медленно произнёс он, чувствуя, как браслет остаётся холодным. Чистая правда. — Но я знаю, что не хочу, чтобы ты умерла.

Кира моргнула. Станный ответ. Браслет на её руке тоже молчал, подтверждая искренность мужа. Раздражённая тем, что её план провалился, она решила нанести удар первой.

— Моя очередь? — спросила она.

— Да. Только честно. Ты же у нас за правду, — усмехнулся он. Усмешка вышла недоброй.

Кира набрала в лёгкие побольше воздуха.

— Я тебя ненавижу, — выпалила она, ожидая разряда и заранее напрягая руку.

Ничего. Браслет молчал. Потому что в этот момент, глядя в его спокойные, чужие глаза, она действительно испытывала жгучую, пульсирующую ненависть к тому, во что превратилась их жизнь.

— Превосходно, — Даниил кивнул. — Мы не врём. Мне

нравится эта игра. Теперь третья правда, Кира. И я хочу спросить. — Он подался вперёд, и от его взгляда ей захотелось прижаться спиной к перилам. — Что ты делала в моём кабинете прошлой ночью, когда думала, что я сплю?

Вот оно. Сердце Киры пропустило удар. Она почувствовала, как сенсоры браслета нагреваются, анализируя её состояние. В горле пересохло. Она думала, он спал. Она всего лишь хотела проверить почту на его незапароленном ноутбуке. И случайно нашла папку с чертежами. Только это были не чертежи зданий. Это были схемы вентиляции секретной правительственной базы данных.

Она открыла рот, чтобы соврать про рецепт или сообщение от его матери. И в тот же миг острая, судорожная боль пронзила руку от запястья до локтя. Мышцы свело. Кира вскрикнула и отшатнулась.

— Что?! — рявкнул Даниил, вскакивая. Он не ожидал такого эффекта.

Кира тяжело дышала, потирая онемевшую руку. Вот, значит, как. Больно. По-настоящему больно. И врать больше нельзя. Ни ему. Ни себе.

В этот момент грохнуло. Но не от их откровений. Где-то

на главной площади раздался хлётский, раскатистый звук автоматной очереди. За ним последовали крики, полные ужаса, и строгий, усиленный мегафоном голос, разнесшийся над райским островом.

— Внимание, гости «Веритас»! Остров переходит под наш контроль. Сохраняйте спокойствие. И молитесь.

Даниил и Кира замерли. Их семейная драма, их ложь, их электрические браслеты — всё это в один миг стало мелким и смешным. В джунглях, окружавших бунгало, замелькали тени с оружием. Муж и жена переглянулись.

— Слушай меня внимательно, — голос Даниила изменился. Из усталого мужа он превратился в жёсткого, собранного незнакомца. — Я не архитектор. Я майор внешней разведки. И то, что ты видела в моём ноутбуке — это государственная тайна.

Кира смотрела на него во все глаза. Её браслет всё ещё покалывало после разряда. Она выпрямилась, и её лицо тоже изменилось. Исчезла обиженная домохозяйка.

— А я не домохозяйка, Даниил, — сказала она ледяным тоном. — Я «Сирена». Тот самый хакер, за которым твоя контора охотится последние три года. И я взломала твою ба-

зу не ради шантажа. Мне нужна была информация о программе «Химера».

Тишина. Вокруг паника, выстрелы. А между ними двоими рушился мир. Браслеты на их запястьях мигнули зелёным, подтверждая: сказанное — абсолютная правда.

— Твою мать, — только и смог выдохнуть Даниил. — Кажется, наш бракоразводный процесс затянется.

(Конец первой главы)

Часть первая. ПРИБЫТИЕ

Глава 2. Металлический привкус

Тишина после выстрелов — самая страшная тишина в мире. Она не похожа на ночную или утреннюю. Она плотная, как вата, и такая же душная. Даниил знал это по опыту. Он стоял, пригнувшись, у бамбуковой стены бунгало и считал. Раз, два, три... На счёте «семь» новая очередь. Короткая, на три патрона. Профессионалы так не стреляют. Профессионалы вообще не стреляют без крайней необходимости. Значит, либо любители, либо запугивают.

Кира не двигалась. Она сидела на плетёном стуле, прижимая к груди онемевшую руку, и смотрела на мужа так, будто видела его впервые. Что, в сущности, и было правдой.

— Майор внешней разведки, — произнесла она одними губами, пробуя слова на вкус. — Три года. Три года я стирала твои рубашки и готовила твою грёбаную пасту с морепродуктами. А ты...

— Сирена, — перебил он так же тихо, не оборачиваясь. Его взгляд сканировал пространство за окном. — Это подождёт. Сейчас нас будут убивать не за ложь, а просто так. Соберись.

Её передёрнуло. Не от страха перед террористами — от того, как он это сказал. «Соберись». Так говорят напарнику. Не жене. И её браслет, сволочь такая, молчал, подтверждая: Даниил действительно сейчас думает о ней как о боевой единице, а не как о любимом человеке. И это было более разряда.

— Что им нужно? — спросила она, заставляя себя подняться. Колени дрожали, но голос звучал ровно. Она тоже умела собираться. Не три года в разведке, но три года в подпольных чатах и на грани ареста научили.

— Не знаю. Выкуп, скорее всего. Остров кишит богатыми идиотами, которые приехали спасти брак. Идеальные мишени. — Он на секунду отвлёкся от окна и посмотрел на неё. —

Мы должны быть самыми обычными идиотами, Кира. Поняла? Никакой спецподготовки. Никаких терминов. Мы — архитектор и домохозяйка, которые ненавидят друг друга, но приехали сюда за чудесным исцелением.

— Мы недалеко ушли от этого образа, — горько усмехнулась она.

Браслет на руке Даниила коротко кольнул его. Он поморщился.

— Твоя правда меня сейчас не устраивает, но спасибо за честность, — буркнул он.

Он хотел добавить что-то ещё — возможно, колкость про её хакерство, возможно, вопрос, на кого она работала, — но дверь бунгало распахнулась без стука.

На пороге стоял человек. Высокий, с выбритой головой и татуировкой в виде змеи, обвивающей шею. В руках — АК-74, старый, но ухоженный. Даниил машинально отметил: царапины на цевье, магазин примотан синей изолентой ко второму магазину. Кустарщина. Но автомат от этого стреляет не хуже.

— Выходим, — сказал человек. Голос глухой, с акцентом.

Восточная Европа, предположил Даниил. Сербия или Босния. — Быстро. Без вещей. Браслеты не снимать — сдохнете. Шучу. Но проверять не совету.

Он улыбнулся. Зубы были плохими.

Кира и Даниил переглянулись и вышли, подняв руки.

Их вели по деревянным мосткам, соединяющим бунгало. Сваи уходили в прозрачную воду, и Кира видела, как внизу, среди кораллов, мелькают тени рыб. Рай. Они шли по раю под конвоем. Впереди, спотыкаясь, брела другая пара — те самые молодожёны из Техаса, с которыми они познакомились в самолёте. Девушка плакала. Парень пытался её подерживать, но у самого тряслись плечи.

— Как ты думаешь, у них получится? — вдруг спросила Кира шёпотом, не удержавшись.

— Что? — не понял Даниил.

— Спасти брак. После такого.

Он даже не улыбнулся.

— Мы с тобой спасаем его под дулами автоматов. У них хотя бы просто теракт. Завидуй.

Браслет на его руке молчал. Он действительно завидовал

техасцам. И браслет на руке Киры молчал тоже — она действительно думала, что их случай безнадежнее.

Главный зал комплекса «Веритас» был спроектирован для коллективных медитаций. Белые циновки, ароматические палочки, огромная статуя Будды в центре. Сейчас Будда безучастно взирал на три десятка перепуганных людей, сбившихся в кучу под его каменными коленями.

Террористов было не меньше двенадцати. Может, больше. Даниил считал, но намеренно не фиксировал взгляд подолгу. Он отмечал расположение, оружие, манеру двигаться. Трое — профи. Остальные — наёмная пехота, мотивированная деньгами, а не идеей. Профи опаснее.

Их лидер стоял на возвышении, где обычно сидел Марк, гуру «Веритаса». Марк лежал рядом, связанный, с кляпом во рту. Его белые одежды были испачканы кровью из разбитого носа. Лидер, в отличие от подчинённых, был одет в гражданское: лёгкие брюки, льняная рубашка. Он походил на туриста, если бы не «беретта» в кобуре на бедре и холодные, почти бесцветные глаза.

— Дамы и господа, — заговорил он. Голос спокойный, интеллигентный. Русский язык с лёгким британским прононсом. — Меня зовут Кобальт. Прошу прощения за грубое

вторжение. Уверяю, если вы будете сотрудничать, никто не пострадает. Мои люди — профессионалы. Они не склонны к ненужному насилию.

Кира заметила, как Даниил едва заметно качнул головой. Ложь. Он не верил ни единому слову.

— Вы все — участники программы «Спаси брак», — продолжал Кобальт, спускаясь с возвышения и прохаживаясь перед заложниками. — Это прекрасная, трогательная программа. Вы приехали сюда, чтобы стать честнее друг с другом. И я помогу вам в этом. Ваши браслеты, как мне объяснили, фиксируют ложь. Замечательное изобретение. Мы будем использовать его в ходе нашего общения.

Он остановился напротив пары из Лондона. Мужчина лет пятидесяти, женщина чуть моложе. Оба в дорогих украшениях.

— Например, вы, — Кобальт указал на мужчину. — Назовите ваше имя и размер годового дохода.

Мужчина побледнел.

— Я... Генри Томпсон. Я управляющий хедж-фондом. Мой доход... — Он осёкся. — Четыреста тысяч фунтов.

Браслет на его руке вспыхнул красным, и Генри вскрикнул от боли.

— Ещё раз, — мягко произнёс Кобальт. — И помните: ложь — это боль. Правда — это свобода. Разве не этому вас здесь учат?

— Четыре миллиона, — выдавил Генри. — В прошлом году. Четыре миллиона двести тысяч.

Браслет остался зелёным. Кобальт улыбнулся и погладил перепуганного финансиста по щеке.

— Вот видите. Уже лучше. Мы с вами поладим.

Даниил сжал челюсти. Он понял стратегию. Кобальт не просто требовал выкуп. Он каталогизировал заложников, сортируя их по платёжеспособности. А браслеты делали этот процесс до смешного эффективным. Но была и другая цель — психологическая. Сломать каждого по отдельности, используя боль и стыд.

Когда Кобальт поравнялся с ними, Кира почувствовала, как напрягся Даниил рядом. Мышцы, которые казались дряблыми под офисной рубашкой, на самом деле были стальными. Как она не замечала этого раньше? Как не видела, что

её муж двигается не как архитектор, а как хищник?

— А вы? — Кобальт остановился. Его бесцветные глаза скользнули по Кире, потом по Даниилу. — Молодая пара. Как мило. Имена, профессии, доход. И, пожалуйста, без драм.

— Даниил Романов, — сказал Даниил. Его голос звучал скучно, устало. — Архитектор. Частная практика. Шестьдесят тысяч в год.

— Кира Романова, — подхватила она. — Домохозяйка. Дохода не имею.

Браслеты на их запястьях предательски зажглись алым.

Боль пришла мгновенно. У Киры потемнело в глазах, ноги подкосились. Она бы упала, если бы Даниил не подхватил её под локоть. Его собственное лицо исказилось гримасой, но он устоял. Их браслеты пульсировали красным, как два злых сердца, и электричество волнами прокатывалось по телам.

— А вот это уже интересно, — протянул Кобальт. В его голосе впервые прорезалось что-то живое. Азарт. — Очень, очень интересно. Дорогой Архитектор и милая Домохозяйка. Кто же вы на самом деле?

Он сделал знак рукой. Двое боевиков шагнули вперёд и грубо выдернули Даниила и Киру из толпы заложников, оттаскивая в сторону.

— Мы проверим, — сказал Кобальт, присаживаясь перед ними на корточки. — У нас много времени. И ваши чудесные браслеты.

Кира сквозь боль посмотрела на Даниила. В его карих глазах она увидела то, чего не видела годами. Страх. Не за себя. За неё.

И что-то в ней, давно замороженное, дало трещину.

Глава 3. Неслучайная встреча
Три года назад. Москва. Октябрь.

Дождь зарядил с утра, превратив город в серое полотно, по которому расплывались огни фар. Даниил сидел в кофейне на Покровке и ждал. В приказе было сказано: «Объект появляется здесь каждый вторник в промежутке от 14:00 до 15:00. Предпочитает столик у окна. Заказывает раф с лавандой. Улыбчива, но замкнута. В контакт вступает неохотно. Рекомендуемая легенда — случайное знакомство».

Ему было тридцать два. Он уже семь лет работал в системе, и операция «Семьянин» была не самой сложной в его карьере. Ему предстояло изображать гражданского архитектора, втереться в доверие к девушке по имени Кира Воронцова и через неё выйти на её отца — Виктора Воронцова, бывшего полковника ГРУ, который, по данным аналитиков, сливал секретные данные третьей стороне.

Даниил не испытывал иллюзий. Девушка была лишь инструментом. Пешкой в большой игре. Ему было велено очаровать её, жениться на ней, войти в семью и собирать информацию. Ничего личного. Работа.

Она вошла ровно в 14:20. Он узнал её сразу — по фотографиям из досье. Светлые волосы, собранные в небрежный пучок, очки в тонкой оправе, бежевый тренч. В жизни она оказалась красивее, чем на снимках. Живее. В её движениях была какая-то нервная, птичья грация. Она села за столик у окна, достала ноутбук и погрузилась в работу, забыв о заказанном рафе.

Даниил наблюдал за ней минут двадцать, делая вид, что читает чертежи на планшете. По легенде, он работал над проектом жилого комплекса в Строгино и мог использовать эту тему для разговора. Но что-то его останавливало. Он вдруг поймал себя на том, что ему интересно не «отрабаты-

вать объект», а просто смотреть, как она хмурит брови, вглядываясь в экран. Как кусает губу. Как поправляет прядь волос, выбившуюся из пучка.

«Соберись», — приказал он себе и поднялся.

Их первая встреча была хрестоматийной. Он «случайно» задел её столик, извинился, предложил оплатить пролитый кофе. Она улыбнулась — вежливо, но отстранённо. Он сказал что-то про дождь. Она ответила что-то про пробки. Слово за слово. Архитектор. Домохозяйка? Нет, она фрилансер, ведёт бухгалтерию для небольших фирм. Скучно. Отец — военный пенсионер. Мать умерла пять лет назад. Живёт одна. Кошки нет. Даниил кивал, запоминал, анализировал.

Но когда она рассмеялась в первый раз — над его шуткой про хрущёвки и готические соборы, — он вдруг забыл, что он на задании. Смех у неё был неожиданный: низкий, грудной, совершенно не вязавшийся с образом тихой очкастой девушки. И пахло от неё не лавандой, как он ожидал, а чем-то цитрусовым. Мандарины. Новый год. Детство.

Он позвонил куратору в тот же вечер.

— Контакт установлен. Объект реагирует адекватно. Приступаю ко второй фазе.

— Добро, — ответил куратор. — Не затягивай. Нам нужен

выход на отца в течение полугода.

Полгода. Шесть месяцев, чтобы влюбить в себя девушку, жениться и начать шпионить за её семьёй. Даниил положил трубку и долго стоял у окна своей холостяцкой квартиры, глядя на огни Москвы.

«Ничего личного. Работа», — повторил он себе.

Он не знал тогда, что Кира Воронцова в это же самое время сидела за своим ноутбуком и просматривала его досье. Настоящее досье. То, которое не смогла бы найти ни одна разведка мира, потому что она сама его составила. «Даниил Романов, майор СВР, оперативный псевдоним Архитектор. Внедрён для вербовки Виктора Воронцова через его дочь». Она прочитала это ещё неделю назад, взломав закрытую базу данных ведомства просто из любопытства и профессионального азарта.

Она знала, кто он.

Она знала, зачем он пришёл.

И она всё равно позволила ему «случайно» задеть её стол.

Потому что он ей понравился. И потому что у неё были свои планы.

Кира закрыла ноутбук и улыбнулась своему отражению в тёмном окне. Игра началась.

Глава 4. Настоящее. Красный коридор

Их тащили по коридору. Бетонный пол сменялся кафелем, деревянные панели — пластиком. Служебные помещения, догадался Даниил. Кухня, прачечная, технические комнаты. Их вели вглубь острова, подальше от остальных заложников. Это было плохо.

Кира едва переставляла ноги. Разряд был сильным — гораздо сильнее, чем она ожидала от девайса, похожего на фитнес-браслет. Мышцы до сих пор сводило, а в голове стоял туман. Но она заставляла себя думать. Кобальт не просто так их выделил. Он почуял неладное. И браслеты это подтвердили. Теперь он будет копать. И если он узнает, кто они на самом деле, — их не обменяют на выкуп. Их убьют сразу, потому что майор разведки и хакер международного уровня — это не просто богатые туристы. Это угроза. Или товар, но совсем другого сорта.

Их втолкнули в небольшое помещение без окон. Склад, судя по запаху моющих средств и стопкам полотенец. Боевики остались снаружи. Кобальт вошёл следом и закрыл дверь. В тесной комнате стало сразу нечем дышать. Пахло хлоркой,

потом и страхом.

— Итак, — Кобальт присел на пластиковый стул, закинув ногу на ногу, словно собирался вести светскую беседу. — Ваши браслеты утверждают, что вы не те, за кого себя выдаёте. И я склонен им верить. У меня большой опыт в оценке людей, и вы, друзья мои, ведёте себя неправильно для архитектора и домохозяйки.

— Мы просто испуганы, — сказала Кира, стараясь, чтобы голос звучал жалобно. — Пожалуйста, у нас нет денег. Мы взяли кредит на эту поездку.

Браслет кольнул её — слабо, но ощутимо. Она стиснула зубы. Значит, нельзя врать даже в мелочах. Даже про кредит. Хотя про кредит была почти правда: они действительно брали его. Правда, не на поездку, а на ремонт. Но браслет считывал даже такое искажение. Чёртова технология.

— Не надо, — Кобальт покачал головой. — Не унижайте себя ложью. Это больно, я вижу. Давайте попробуем иначе. Правда — это свобода, верно? — Он указал на плакат на стене. Тот самый, с девизом «Веритас». — Кто вы?

Даниил молчал. Он просчитывал варианты. Если сказать правду — он станет ценным заложником, и Киру, возможно,

не тронут. Если продолжать запираяться — их будут пытаться браслетами, пока не сломают. А они ломают. У любого есть предел.

— Я майор Службы внешней разведки России, — сказал он ровно. — В отставке.

Браслет вспыхнул красным. Удар был таким, что Даниил пошатнулся, врезавшись плечом в стеллаж. Полотенца посыпались на пол. Он сполз по стене, тяжело дыша.

— Не в отставке, — прохрипел он, исправляясь. — Действующий. Сотрудник центрального аппарата.

Зелёный. Браслет успокоился.

Кобальт присвистнул.

— СВР. Надо же. А я думал, здесь только скучающие богачи. — Он перевёл взгляд на Киру. — А вы? Тоже шпионка? Или, может, киллер?

Кира молчала. Она чувствовала, как сердце колотится где-то в горле. Если она скажет правду, их могут разделить. Его — как военнопленного. Её — как ценный актив для взлома. А могут и просто пристрелить, чтобы не возиться.

— Я... — начала она и запнулась.

— Она не имеет отношения к моей работе, — быстро перебил Даниил. — Она гражданская. Мы действительно женаты. Это правда.

Браслет подтвердил: правда. Кира действительно не имела отношения к СВР. И они действительно были женаты.

Но Кобальт уже не слушал. Он смотрел на Киру с новым, неприятным интересом.

— А всё-таки, милая домохозяйка? Почему ваш браслет сжёг вам руку, когда вы назвали себя домохозяйкой? Кто вы?

Кира закрыла глаза. Она вспомнила отца. Вспомнила его наставления: «Если попала в плен — не геройствуй. Торгуйся. Информация — твоя валюта. Отдавай по крупницам и покупай время». Она никогда не была в плену, но отец готовил её к этому с детства. Жестоко, методично, без скидок на возраст и пол.

— Я фрилансер, — сказала она. — Работаю с информацией. Иногда — из закрытых источников.

Браслет мигнул жёлтым. Пограничная правда. Не ложь, но и не полная истина. Разряда не последовало, только лёгкое покалывание, предупреждение.

Кобальт наклонил голову, разглядывая её, как энтомолог — редкую бабочку.

— Фрилансер. Работа с информацией. Закрытые источники. — Он усмехнулся. — Знаете, в моём бизнесе таких называют хакерами. И очень ценят. Очень.

Он поднялся.

— Я должен проверить кое-что. А вы пока посидите здесь, подумайте о честности. Когда я вернусь, мы поговорим подробнее. О ваших навыках, мадам. И о ваших связях, майор.

Он вышел. Дверь закрылась, лязгнул засов.

Кира и Даниил остались вдвоём среди рассыпанных полотенец, в тесной кладовке, пропахшей хлоркой. Их браслеты слабо мерцали зелёным — знак того, что последние сказанные слова были правдой.

— Зачем ты сказал про СВР? — спросила Кира шёпотом.

— Потому что он бы всё равно узнал. Лучше добровольно. Это даёт нам время.

— Время для чего?

— Для побега. — Даниил посмотрел ей прямо в глаза. — Ты хакер. Я оперативник. Мы выберемся. Но для этого ты должна сказать мне всю правду. Прямо сейчас. Кто ты? На

кого работаешь? И какого чёрта ты взламывала мой ноутбук?

Он не угрожал. Он просил. И браслет на его руке светился ровным зелёным — каждое слово было искренним.

Кира сглотнула ком в горле.

— Хорошо, — сказала она. — Слушай.

Глава 5. Сирена

Она говорила почти час. Сбивчиво, перескакивая с одного на другое, возвращаясь назад. Браслет несколько раз бил её током, когда она пыталась смягчить детали. К концу исповеди её рука онемела до плеча, а в глазах стояли слёзы, но она продолжала.

Её отец, Виктор Воронцов, действительно был полковником ГРУ. Но уволился он не по выслуге лет, а после скандала, связанного с хищением данных. Домой он вернулся озлобленным, разочарованным в системе и одержимым идеей создать свою собственную информационную сеть.

Кире было четырнадцать, когда он впервые посадил её за компьютер и сказал: «Дочка, мир принадлежит тем, кто владеет информацией. Не людям с автоматами — они просто мясо. Тем, кто читает их переписку до того, как они нажмут на курок».

Он учил её сам. Не школьной информатике — настоящему хакингу. Социальная инженерия, взлом сетей, шифрование. К семнадцати годам Кира уже могла войти в почту районной администрации. К двадцати — в базу данных федерального казначейства. Отец заставлял её взламывать всё более сложные системы, а потом заматывать следы. Это было похоже на спорт. Опасный, азартный, подсаживающий.

— Он говорил, что готовит меня к великой миссии, — Кира горько усмехнулась. — Что мы с ним станем неприкасаемыми. Информационными королями. Что мы будем диктовать условия сильным мира сего, а не плясать под их дудку.

В двадцать два она взломала сервер Министерства обороны. Не чтобы украсть — просто чтобы доказать себе, что может. Её чуть не поймали. Она чудом ушла, но навсегда запомнила тот животный ужас, когда на экране высветилось: «Ваше местоположение определено».

— Я бросила всё, — продолжала она. — Сказала отцу, что завязываю. Устроилась на скучную работу, снимала квартиру, пыталась быть нормальной. А он... он не простил. Сказал, что я предательница. Что я сломалась. Мы перестали общаться.

Она замолчала, глядя на свои руки. Даниил слушал, не перебивая.

— А потом появился ты, — тихо сказала она. — Красивый, скучный архитектор. Я правда думала, что ты — мой шанс на нормальную жизнь. Я хотела быть обычной женой. Готовить тебе пасту, стирать рубашки. Я пыталась.

Браслет молчал. Чистая правда.

— Когда я узнала, что ты беременна, — прошептал Даниил, — я был счастлив. По-настоящему. Я подумал: может, ну её, эту службу. Уволюсь, буду просто мужем и отцом. Впервые в жизни я хотел быть просто мужем и отцом.

Кира вздрогнула. Она не ожидала этих слов.

— А потом случился выкидыш, — закончила она за него. — И всё сломалось.

— Всё сломалось, — эхом повторил он.

Их браслеты светились зелёным. Две правды, которые они носили в себе годами, наконец прозвучали вслух. И странное дело — боль от разрядов ушла. Вместо неё пришла пустота, но в этой пустоте впервые за долгое время не было лжи.

— Ты не договорила, — сказал Даниил после долгой паузы. — Как ты стала Сиреной? И зачем тебе понадобился мой ноутбук?

Кира подняла на него глаза.

— После выкидыша я сорвалась. Ты уходил в свои чертежи, я оставалась одна. И однажды ночью я открыла ноутбук и зашла в даркнет. Просто из любопытства. Просто чтобы вспомнить, как это — быть кем-то ещё, кроме пустой оболочки. Меня нашли. Группа «Пандора».

Даниил напрягся. «Пандора» была в ориентировках. Международная хакерская сеть, работающая на частные военные компании и теневых игроков. Очень опасная. Очень скрытная.

— Они предложили мне работу, — продолжала Кира. — Сначала мелкие заказы. Потом серьёзные. Я не могла остановиться. Это был мой наркотик. Единственное, в чём я была хороша. Единственное, что давало мне ощущение контроля над жизнью. Я взламывала банки, корпорации, правительственные сервера. Не ради денег — ради чувства власти.

— И однажды ты наткнулась на меня, — медленно произнёс Даниил.

— «Пандора» получила заказ на информацию о программе «Химера». Это какая-то секретная разработка, связанная с искусственным интеллектом. Заказчик не назвался. Мне дали наводку, что данные могут быть в закрытой сети СВР. Я начала копать. И нашла тебя.

Она посмотрела ему в глаза — прямо, без страха.

— Я взломала твой ноутбук не потому, что подозревала тебя как шпиона. Я знала, что ты шпион, с самого начала. С нашей первой встречи в кофейне.

Даниил замер.

— Что?

— Я взломала базу данных СВР за месяц до того, как ты ко мне «случайно» подсел, — она грустно улыбнулась. — Я знала, кто ты, Даниил. Знала, что ты идёшь ко мне по заданию. Знала про моего отца и про операцию «Семьянин». Я знала всё.

Браслет на её руке горел ровным зелёным.

— Тогда почему?.. — его голос сорвался. — Почему ты позволила?..

— Потому что ты мне понравился, — просто сказала она. — Ты был красивым, неловким, и от тебя пахло дождём. И ты смотрел на меня не как на объект, а как на женщину. Я подумала: пусть он думает, что ведёт игру. А я поведу свою. Я выйду за тебя, чтобы быть ближе к твоим базам данных. Чтобы выполнить задание «Пандоры». И я надеялась, что ты никогда не узнаешь.

— Но что-то пошло не так, — прошептал Даниил.

— Я влюбилась, — она пожала плечами. — По-настоящему. В тебя. В нашу фальшивую жизнь. В утренний кофе и вечерние сериалы. В твои дурацкие чертежи на кухонном столе. Я почти забыла, кто я на самом деле. Почти стала той самой домохозяйкой. А потом случился выкидыш, и я поняла: наказание за ложь всегда приходит. Мы построили дом на вранье, и он рухнул. Закономерно.

Даниил сидел неподвижно. В его голове рушились все схемы, все аналитические выкладки, все годы оперативной работы. Его женщина — та самая тихая, уютная Кира — оказалась умнее, опаснее и сложнее, чем все его враги вместе взятые.

И он всё ещё любил её.

Браслет подтверждал это молчаливым зелёным светом.

— Значит, мы оба ввали друг другу с первого дня, — сказал он наконец. — И оба знали, что другой врёт. И оба всё равно продолжали.

— Да, — кивнула Кира. — Гениальный брак.

Они посмотрели друг на друга и вдруг рассмеялись. Истерически, надрывно, сквозь слёзы. Смех бился о стены кладовки, заглушая отдалённые крики и автоматные очереди. Два профессионала, которые пытались переиграть друг друга и проиграли оба, потому что ввязались в единственную игру, где нельзя победить без правды.

— Слушай, — отсмеявшись, сказал Даниил. — У нас проблема. Кобальт понял, что ты хакер. Он вернётся и будет допрашивать тебя с пристрастием. Твои навыки — слишком лакомый кусок для таких, как он.

— Я знаю, — Кира стала серьёзной. — Поэтому нам нужно выбраться до того, как он вернётся.

— Согласен. — Даниил поднялся и начал осматривать стены. — Ты можешь что-нибудь сделать с дверью?

— Электронный замок. Примитивный, на радиоканале. Если бы у меня был планшет или хотя бы телефон, я бы взломала его за минуту. Но нас обыскали.

Даниил задумался, потом вдруг усмехнулся.

— У меня есть идея. Только тебе придётся мне довериться.

— Звучит угрожающе.

— Так и есть. — Он повернулся к ней. — Ты спрашивала, почему я сразу признался Кобальту, что я из СВР. Помнишь?

— Да.

— Потому что правда даёт свободу. А ещё, — он поднял руку, показывая браслет, — правда не бьёт током. Я предлагаю тебе эксперимент. Мы выбираемся отсюда, и с этой минуты — только правда. Ты и я. Как на исповеди. Даже если это будет больно, страшно или стыдно. Идёт?

Кира посмотрела на свой браслет, потом на его.

— Если мы выберемся, — поправила она.

— Когда, — твёрдо сказал он. — Когда выберемся.

Она кивнула.

— Идёт. Только правда.

Они скрепили договор рукопожатием, и браслеты на их запястьях одобрительно мигнули зелёным.

А потом Даниил показал ей то, что заметил десять минут назад: в углу кладовки, за стопкой полотенец, была вентиляционная решётка. Старая, ржавая. И шурупы на ней держались едва-едва.

Глава 6. Вентиляция

Решётка поддавалась не сразу. Даниил откручивал шурупы пальцами, срывая ногти в кровь, пока Кира стояла у двери и слушала шаги охранников снаружи. Шаги то приближались, то удалялись. Кто-то ходил по коридору — методично, размеренно, словно метроном.

— Они сменяются каждые двадцать минут, — прошептала Кира, не оборачиваясь. — Я считала. У нас есть окно в минуту-две, когда один уходит, а второй ещё не подошёл.

— Откуда ты знаешь про смену? — Даниил наконец вырвал последний шуруп и осторожно снял решётку.

— Я же говорила: отец готовил меня. В том числе к плену.

Шахта была узкой. Такой узкой, что Даниил, с его пле-

чами, едва помещался. Но выбора не было. Он заглянул внутрь: темнота, пахнувшая сыростью и ржавчиной, уходила вверх и вниз. Внизу где-то гудела техника. Наверху, теоретически, мог быть выход на крышу.

— Наверх, — сказал он. — Внизу подвал, скорее всего, заперт или под охраной.

— Я первая, — Кира шагнула к нему.

— Почему ты?

— Потому что я меньше. Если застрянешь ты, я не смогу тебя вытащить. А ты меня — сможешь.

Логично. Он не стал спорить.

Кира подтянулась и ловко, по-кошачьи, скользнула в шахту. Даниил подал ей решётку, и она кое-как пристроила её на место изнутри. Теперь снаружи нельзя было сразу понять, что они сбежали.

Они полезли вверх. Вентиляционная шахта была вертикальной, со скобами на стенках. Ржавое железо скрипело под ногами, крошки ржавчины сыпались в глаза. Кира лезла первой, Даниил следом, стараясь не смотреть вниз. Он не боялся высоты, но боялся, что ржавые скобы не выдержат его веса.

— Расскажи мне что-нибудь, — вдруг попросила Кира сверху. Её голос звучал глухо, эхом отражаясь от металлических стен. — Что-нибудь настоящее. Чтобы не сойти с ума.

— Что рассказать? — он тяжело дышал. Скобы были скользкими от конденсата.

— Самое страшное. Самое стыдное. То, что никогда никому не говорил. Мы договорились на правду, помнишь?

Он помнил. И браслет на руке напоминал — слабой пульсацией.

— Хорошо, — сказал он. — Когда мы только начали встречаться, я докладывал о тебе куратору. Каждый шаг. Каждое слово. Я записывал наши разговоры на диктофон и отсылал расшифровки.

Кира молчала.

— Это ещё не самое стыдное, — продолжил он. — Самое стыдное — что в какой-то момент я перестал включать диктофон. Я удалял записи и придумывал фальшивые отчёты. Я врал своему начальству, потому что... потому что то, что происходило между нами, было настоящим. И я не хотел, чтобы они это читали. Я не хотел, чтобы ты была просто

строчкой в оперативной сводке.

— Когда ты это понял? — спросила она тихо.

— Когда ты впервые осталась у меня на ночь. Ты уснула, а я лежал и смотрел на тебя. И думал: если они узнают, что я не пишу отчёты, меня уволят. Посадят. Но я не мог. Это было как предательство. Хуже, чем предательство Родины. Предательство тебя.

Браслет светился зелёным. Правда.

Кира на секунду остановилась. Даниил снизу видел только её ноги в лёгких босоножках (туфли она потеряла ещё в бунгало). Она молчала, потом полезла дальше.

— Моя очередь, — сказала она. — Я никогда не любила твою пасту. Ты переваривал спагетти и клал слишком много чеснока. Я ненавидела её. Но ела каждую пятницу и хвалила.

Даниил усмехнулся, хотя было не до смеха.

— Серьёзно?

— Серьёзно. И ещё: я терпеть не могла твоих друзей-архитекторов. Они были скучными, как твои чертежи, и каждый раз, когда они приходили, я мечтала запустить в их но-

утбуки вирус, чтобы они больше никогда не появлялись.

— Это не стыдное. Это мелочи.

— Хорошо, вот стыдное. — Она полезла быстрее, словно хотела убежать от собственных слов. — После выкидыша я не плакала. Ни разу. Ты плакал, я видела, хотя ты прятался. А я нет. Я сидела и думала: это наказание. За мою ложь. За мою работу. За то, что я не сказала тебе правду. И ещё я думала... — она запнулась. Браслет угрожающе нагрелся, предупреждая, что она хочет соврать. — Я думала, что, может быть, это к лучшему. Потому что я не умею быть матерью. Я умею только взламывать и разрушать. Я бы сломала ребёнка. Как мой отец сломал меня.

Даниил остановился. Скоба под его ногой скрипнула.

— Кира...

— Не надо, — перебила она. — Не жалею меня. Просто лезь дальше. Мы почти наверху. Я вижу свет.

Действительно, сверху пробивался слабый, серый свет. Ещё несколько метров — и они упёрлись в новую решётку. На этот раз снаружи. Кира толкнула её, и решётка поддалась с мерзким скрежетом. В лицо ударил влажный тропический воздух, пахнувший солью и гниющими водорослями.

Они выбрались на крышу технического корпуса. Вокруг шумели пальмы, где-то вдалеке рокотал генератор, и небо было затянуто низкими тучами, подсвеченными закатом. Остров лежал перед ними как на ладони: цепочка бунгало у воды, главный корпус, пирс, у которого покачивался катер террористов.

— Красиво, — прошептала Кира.

— Ага, — согласился Даниил, но смотрел не на закат. Он оценивал периметр, считал посты, искал слепые зоны. — Уходить будем через джунгли. Там они нас не сразу найдут. Нужно добраться до радиорубки на восточном мысе. Я видел её с самолёта.

— А если она охраняется?

— Значит, придётся импровизировать. Ты как, готова?

Кира посмотрела на него. Грязная, в разорванной блузке, с синяком на скуле от удара прикладом. И глаза — не испуганные, а злые, азартные.

— Я три года играла в домохозяйку, Даниил. Я готова.

Они спрыгнули с крыши в кусты гибискуса и растворились в джунглях за секунду до того, как в кладовке внизу раздался яростный крик Кобальта, обнаружившего пустую

комнату.

Глава 7. Джунгли

Джунгли встретили их стеной влажного жара. Здесь, под пологом лиан и папоротников, воздух был густым, как суп, и таким же пряным. Каждый шаг давался с трудом: ноги вязли в прелой листве, колючки цеплялись за одежду, а невидимые насекомые звенели со всех сторон, создавая звуковой фон, похожий на белую полосу радиопомех.

Даниил шёл первым, раздвигая ветви. Он двигался бесшумно, как учили — переносил вес с пятки на носок, замирая перед каждым открытым участком, сканируя пространство. Кира следовала за ним, стараясь не отставать и не шуметь. Получалось не очень: она была городским жителем, хакером, её джунгли были цифровыми.

— Нам нужно укрытие на ночь, — сказал Даниил, не оборачиваясь. — Через час стемнеет. Фонарей у нас нет, а передвигаться в темноте по незнакомой местности — верный способ сломать ногу или наткнуться на патруль.

— Я читала, что на таких островах бывают пещеры, — отозвалась Кира. — Если мы идём к восточному мысу, там скалистый берег. Должны быть.

Они шли ещё около сорока минут, пока не наткнулись на неё. Небольшая расщелина в скале, замаскированная папоротниками. Внутри было сухо и прохладно. Узкий лаз вёл в небольшую камеру, где мог поместиться и стоять в полный рост даже Даниил. Пол был песчаным, а в дальнем углу виделось что-то похожее на старое кострище.

— Здесь кто-то бывал, — Кира указала на обгоревшие камни.

— Рыбаки, может быть. Или контрабандисты. — Даниил осмотрел потолок. — Дыма не будет видно из-за скалы. Можно развести огонь. Только нужно топливо.

Они насобирали сухих веток и пальмовых листьев в округе. Даниил развёл костёр с помощью найденной в кармане зажигалки (чудо, что её не отобрали при обыске). Маленький огонь осветил их лица, отбросив причудливые тени на стены пещеры.

Они сидели напротив друг друга. Грязные, уставшие, голодные. Но живые. И, что странно, почти счастливые — той особой эйфорией, которая приходит после того, как смерть прошла мимо и задела лишь краем.

— У меня в сумочке был шоколадный батончик, — мечтательно произнесла Кира. — И бутылка воды. Всё осталось

в бунгало.

— У меня в кармане было удостоверение на имя Романова Даниила, архитектора. И таблетки от давления. — Он усмехнулся. — Давление у меня, кстати, в порядке. Это для легенды.

— А у меня вторая сим-карта была вшита в подкладку платья. И флешка с программами для взлома в каблуке. Туфли, кстати, я потеряла, когда нас тащили. Флешка уплыла к рыбкам.

Они помолчали.

— Знаешь, — вдруг сказала Кира, глядя в огонь, — я сейчас думаю о том, что мы никогда не сидели так. Вот просто — сидели и говорили. Без телевизора, без телефонов, без фальшивых предлогов.

— Мы никогда не давали себе шанса, — ответил Даниил. — Мы оба пришли в этот брак с чужими паспортами.

— Метафора?

— Реальность. Я был Архитектором, ты была Домохозяйкой. Два персонажа. А настоящие мы прятались под этими масками и боялись высунуться.

Браслет на его руке завибрировал — мягко, одобрительно. Правда.

Кира посмотрела на свой браслет. Серебристый обруч, обманчиво простой. Она вдруг вспомнила, с каким высокомерием думала, что сможет его обмануть. Что её самоконтроль выше любой технологии. Технология оказалась сильнее. И, может быть, это было к лучшему.

— Помнишь наш медовый месяц? — спросила она.

— Венеция, — кивнул он. — Дождь. Ты потеряла зонтик.

— Я не теряла. Я выбросила его в канал, чтобы купить новый у того уличного торговца. Ты так мило суетился, искал его по всем кафе.

— Зачем?

— Чтобы у тебя был повод обо мне заботиться. — Она пожала плечами. — Мне нравилось, когда ты заботишься. В эти моменты я забывала, что ты — подставной.

Даниил долго смотрел на неё. Потом встал, обошёл костёр и сел рядом. Близко. Их плечи соприкоснулись. От него пахло потом и дымом, но под этим слоем усталости она чувствовала знакомый запах — его собственный, тёплый, с нотками кедра.

— Я не подставной, — тихо сказал он. — Может быть, сначала — да. Но очень быстро всё стало по-настоящему. Всё. Каждое утро, когда я просыпался рядом с тобой. Каждый вечер, когда ты клала голову мне на плечо. Это было самое реальное, что со мной случилось.

Она повернулась к нему. В свете костра его лицо казалось вырезанным из бронзы — резкие черты, тени под скулами, отросшая щетина. Архитектор. Шпион. Муж. Чужой и родной одновременно.

— Я хочу задать тебе вопрос, — сказала она. — И ты должен ответить честно. Браслет не простит вранья.

— Давай.

— Если мы выберемся отсюда... если всё закончится... что будет с нами?

Он не ответил сразу. Она видела, как он собирается с мыслями — не для того, чтобы соврать, а чтобы сформулировать правду, которую сам ещё не до конца осознал.

— Я не знаю, что будет с нами как с парой, — сказал он наконец. — Это будет зависеть от нас обоих. Но я знаю, что я больше не смогу врать тебе. И я знаю, что я больше не

смогу без тебя. — Он взял её за руку. — Я прошёл через горячие точки, через допросы, через предательство коллег. Но самым страшным было возвращаться домой и видеть, как ты от меня отдаляешься. И не знать, как это остановить.

Браслеты на их запястьях одновременно вспыхнули зелёным. Правда. С обеих сторон.

Кира подалась вперёд и поцеловала его. Без плана, без стратегии, без расчёта. Просто потому, что захотела. И он ответил — жадно, сильно, будто они не целовались уже сто лет.

Их браслеты пульсировали зелёным в такт сердцам.

Глава 8. Пещера и пламя

Они целовались у костра, и это было похоже на возвращение домой. Не в тот дом, где они жили последние три года — с его натянутыми улыбками и молчаливыми завтраками, — а в тот, который они когда-то мечтали построить. Запах дыма, соли и разгорячённой кожи смешивался с чем-то первобытным, что просыпалось между ними всякий раз, когда они оставались наедине. Даже в худшие времена их тела помнили друг друга. Даже когда слова были ложью, прикосновения оставались честными.

Даниил отстранился первым. Дыхание его было тяжёлым, зрачки расширены, но профессиональная привычка — проклятая, въевшаяся в подкорку — заставила его прислушаться.

— Что? — прошептала Кира, чувствуя его напряжение.

— Ничего, — он покачал головой. — Показалось. Эхо.

Но момент был прерван. Кира откинулась на песок, глядя в каменный потолок пещеры, где плясали отблески пламени. Даниил остался сидеть, обхватив колени руками.

— Расскажи мне про «Пандору», — попросил он. — Если мы хотим выбраться, я должен понимать, с кем ты связана. Это может быть важно.

Кира вздохнула. Романтический порыв угас, уступив место суровой необходимости.

— «Пандора» — это не просто группа, — начала она. — Это сеть. Децентрализованная, как блокчейн. Никто не знает всех участников. Я знаю только своего куратора — человека с ником Меркурий. Он выходит на связь раз в неделю, даёт задания, переводит оплату в крипте.

— Как ты на них вышла?

— Через форум в даркнете. Сначала выполняла тестовые задания — простенькие взломы, проверка на профпригодность. Потом меня допустили до серьёзных проектов. Я взламывала банки в Швейцарии, почтовые серверы в Гонконге, даже одну военную базу НАТО в Европе. — Она усмехнулась. — За последнее меня чуть не посадили. Пришлось заметать следы три месяца.

Даниил слушал молча, переваривая информацию. Его жена — международный киберпреступник. Это звучало как приговор. Но сейчас это был их главный козырь.

— А что за программа «Химера»? — спросил он. — Из-за которой ты полезла в мой ноутбук.

— Я точно не знаю. Меркурий сказал, что это разработка в области ИИ. Что-то связанное с анализом больших данных и прогнозированием поведения людей. Заказчик — частная военная компания, название не раскрывается. Им нужна была документация по ранним прототипам. Я нашла на след, который вёл в СВР. Так я нашла тебя.

— «Химера», — медленно произнёс Даниил. — Я слышал это название. Мельком. Это проект не совсем СВР, он

межведомственный. Что-то связанное с психографическим профилированием. Если у них получится, они смогут предсказывать поведение человека на основе его цифрового следа с точностью до девяноста процентов.

— Звучит как антиутопия.

— Так и есть. — Он помрачнел. — Если твои друзья из «Пандоры» украдут эту технологию и продадут частникам... последствия могут быть катастрофическими.

Кира повернулась на бок, подпёрла голову рукой.

— Ты сейчас думаешь о том, как спасти мир? — спросила она без насмешки. — Серьёзно? Прямо здесь, в пещере, без еды и воды, с террористами на хвосте?

— Я думаю о том, что если мы выберемся, — ответил он, — то должны остановить утечку. Ты и я. Вместе.

— Звучит как боевик категории «Б».

— Звучит как наша жизнь.

Она рассмеялась. Искренне, легко. И от этого смеха в пещере словно стало светлее. Даниил вдруг осознал, что не слышал его уже целую вечность. Не тот вежливый смех, которым она встречала его неуклюжие шутки за ужином, а настоящий — грудной, заразительный. Он влюбился в этот

смех когда-то. Кажется, он влюблялся в него заново прямо сейчас.

— Хорошо, — сказала Кира, отсмеявшись. — Давай спасать мир. Но сначала давай спасёмся сами. Что у нас есть? Я без планшета почти бесполезна. Ты без оружия — почти труп.

— Почти, — согласился Даниил. — Но не совсем. Утром я схожу на разведку. Нужно понять, где патрули, есть ли у них связь, как часто они выходят на проверку. И нужна вода. Без воды мы протянем дня два, не больше.

— Я видела кокосовые пальмы у ручья, когда мы шли, — вспомнила Кира. — Если доберёмся до них, будет и еда, и питьё.

— Отлично. Значит, план такой: спим до рассвета, потом ты остаёшься здесь, а я иду на разведку.

— Нет, — твёрдо сказала она. — Мы идём вместе.

— Кира...

— Я не останусь здесь одна. — Её глаза блеснули в свете костра. — Я не комнатная собачка, Даниил. Я прошла под-

готовку. Отец учил меня не только компьютерам, но и выживанию. Я умею стрелять, я умею прятаться, я умею драться. Если ты уйдёшь один и не вернёшься, я сойду с ума в этой пещере. Так что мы идём вместе.

Браслет на её запястье одобритительно замерцал. Чистая правда.

Даниил долго смотрел на неё, потом кивнул.
— Вместе. Хорошо.

Они улеглись на песок, подложив под головы охапки пальмовых листьев. Костёр догорал, угли подёргивались пеплом. В пещере стало темно и тихо, только снаружи доносился стрекот цикад и шум океана.

— Даниил, — позвала она в темноте.

— Да.

— Мне страшно.

Браслет молчал. Правда.

— Мне тоже, — ответил он. — Иди сюда.

Она подвинулась ближе, и он обнял её — крепко, надёжно, как не обнимал уже много месяцев. Она уткнулась лицом

в его плечо и закрыла глаза.

— Завтра мы выберемся, — прошептал он. — Обещаю.

— Ты врёшь? — спросила она сонно.

Браслет на его руке мигнул зелёным. Слабый ответ на мгновение осветил каменные стены.

— Нет, — сказал он. — Не вру.

Она уснула первой. Даниил ещё долго лежал без сна, слушая её дыхание и глядя в темноту. Снаружи, где-то в джунглях, кричали ночные птицы. Где-то дальше, в главном корпусе, сидел Кобальт и, вероятно, рвал и метал, обнаружив пропажу двух заложников.

Они были в меньшинстве. Без оружия, без связи, без еды. Но впервые за последние три года Даниил чувствовал, что он на своём месте. Что он делает то, что должен. И женщина рядом с ним — не обуза, а союзник.

Он закрыл глаза и позволил себе провалиться в сон.

Глава 9. Утро на восточном мысу

Рассвет в джунглях наступает мгновенно. Только что бы-

ла крошечная тьма, и вдруг — свет, пробивающийся сквозь листву косыми оранжевыми лучами. Просыпаются птицы, начинают перекикиваться обезьяны, воздух наполняется влажным теплом.

Кира проснулась первой. Она осторожно высвободилась из объятий Даниила, который даже во сне продолжал держать её крепко, словно боялся потерять. Встала, потянулась, разминая затёкшие мышцы. Тело ныло после вчерашних приключений, но голова была ясной.

Она подошла к выходу из пещеры и выглянула наружу. Джунгли жили своей жизнью, не подозревая о том, что на острове — вооружённые люди и заложники. Огромная бабочка с синими крыльями пролетела мимо, едва не задев её по лицу. Где-то журчал ручей.

— Доброе утро, — раздался голос за спиной.

Она обернулась. Даниил уже сидел, протирая глаза. Его волосы были всклокочены, на щеке — след от пальмового листа, и выглядел он при этом совершенно счастливым.

— Доброе, — улыбнулась она. — Как спалось?

— Как в пятизвёздочном отеле. Только без завтрака.

— Кстати, о завтраке. Я слышу воду. Ручей где-то рядом.

Они выбрались из пещеры и пошли на звук. Ручей оказался метрах в двухстах — тонкая серебряная нитка, сбегаящая по камням к океану. Вода была ледяной и сладкой на вкус. Они пили жадно, захлёбываясь, и умывались, смывая с себя вчерашнюю грязь и усталость.

— Нам нужно оружие, — сказал Даниил, вытирая лицо. — Хотя бы примитивное. У террористов автоматы, но в джунглях автомат не всегда преимущество. Если устроить ловушку, можно обезвредить одного-двух и забрать их снаряжение.

— Ловушку? — Кира подняла бровь. — Из чего? Из веток и верёвок?

— Из веток, верёвок и твоих мозгов. Ты же хакер. Хакеры мыслят нестандартно. Придумай что-нибудь.

Она задумалась.

— У них есть рации, — сказала она после паузы. — Я заметила вчера: у каждого боевика на поясе коротковолновая рация, модель похожа на Motorola. Если я смогу достать од-

ну, то перехвачу их частоту. И, возможно, смогу заглушить сигнал или послать ложный приказ.

— Это уже интереснее. — Даниил оживился. — Значит, наша первая цель — добыть рацию.

— И еду, — добавила Кира. — Я видела кокосовые пальмы дальше по руслу. И банановое дерево. Не «Азбука вкуса», конечно, но для начала сойдёт.

Они двинулись вдоль ручья, держась тени деревьев. Идти было легче, чем вчера: тропа вдоль воды была почти свободна от колючек, а камни под ногами лежали ровно, словно их кто-то специально выложил.

Кира думала о вчерашнем разговоре. О «Химере», о «Пандоре», о том, как странно переплелись их судьбы. Архитектор и домохозяйка. Майор и хакер. Муж и жена. Враги по профессиональному признаку, союзники по необходимости, любовники по зову сердца. Всё смешалось.

— О чём думаешь? — спросил Даниил, словно прочитав её мысли.

— О том, что у нас никогда не было нормальных отношений, — ответила она. — Мы познакомились как два шпи-

она, играющих в гражданских. Поженились как два лжеца, притворяющихся влюблёнными. А теперь мы два беглеца на острове, захваченном террористами. Может, мы просто не умеем по-другому?

— Может, — согласился он. — Но знаешь, что я думаю? Нормальные отношения — это скучно. Я пробовал когда-то, до тебя. Была девушка, Лена, переводчица. Она действительно любила меня. Готовила борщ, ждала с работы, хотела детей. А я врал ей про каждую свою командировку и чувствовал себя последней сволочью. С тобой мне не нужно врать.

— Потому что я и так всё знаю? — усмехнулась она.

— Потому что ты — единственная, кто понимает, что такое жить двойной жизнью. Ты — единственная, кто не осудит.

Браслеты на их запястьях синхронно мигнули зелёным.

Кокосовые пальмы показались за поворотом. Высокие, метров по пятнадцать, с гроздьями орехов под самой кроной. Кира задрала голову.

— Ты умеешь лазить по пальмам? — спросила она.

— А ты?

— Я умею лазить по серверам. По пальмам — не доводилось.

Даниил скинул обувь и, обхватив ствол руками и ногами, начал подниматься. Получалось не очень ловко: пальма была гладкой, без сучьев, а он был не в той физической форме, в какой хотелось бы. Но через несколько минут три кокоса с глухим стуком упали на землю.

Кира подобрала один. Плод был тяжёлым, мохнатым, пах морем и тропиками.

— Чем открывать будем? — спросила она.

— Камнем. Или подождём до пещеры. Там можно разбить.

Они собрали кокосы и двинулись обратно, но на полпути Даниил вдруг остановился и присел, жестом приказав Кире сделать то же самое.

— Что? — прошептала она.

— Смотри.

Сквозь листву был виден участок тропы, ведущей к восточному мысу. По тропе шли двое боевиков. Один — тот самый, со змеиной татуировкой, которого Кира мысленно окрестила Змеем. Второй — помоложе, почти мальчишка, с автоматом, висящим на плече слишком небрежно.

— Патруль, — прошептал Даниил. — Идут к мысу. Проверяют периметр.

— Рация у Змея на поясе, — заметила Кира. — Если мы сможем его нейтрализовать...

— Их двое. У нас — ничего. Даже палки.

— Значит, нужно придумать, как их разделить.

Она на секунду задумалась, потом её глаза загорелись.

— У меня есть идея. Дай мне кокос.

Глава 10. Ловушка на тропе

План Киры был прост до гениальности. Они вернулись на тропу чуть впереди патруля и устроили засаду. Даниил забрался на дерево с низко свисающими ветвями, вооружившись увесистым камнем. Кира спряталась за стволом пальмы у поворота тропы, где кусты росли особенно густо.

Когда патруль приблизился, она разбила кокос о камень и бросила его на тропу. Потом ещё один. Затем издала звук — что-то среднее между стоном и хрипом, — и затихла.

— Слышал? — донёсся голос молодого боевика.

— Слышал, — ответил Змей. Голос у него был глухой, с тем же восточноевропейским акцентом, который Даниил отметил ещё вчера. — Проверь. Только осторожно.

Молодой двинулся вперёд, держа автомат на изготовку. Он был напряжён, но не опытен — ствол гулял, палец лежал на спусковом крючке. Дилетант, подумал Даниил. Опасный именно своей непредсказуемостью.

Когда боевик поравнялся с пальмой Кира, она рванула лиану, которую заранее натянула поперёк тропы. Лиана взметнулась, хлестнув парня по лицу. Он вскрикнул, вскинул автомат, но в этот момент Даниил спрыгнул с дерева прямо на него. Удар камнем по затылку — не смертельно, но достаточно, чтобы отключить.

Змей услышал шум и бросился на помощь, но Кира уже была готова. Она метнула ему под ноги осколок кокосовой скорлупы, и боевик, поскользнувшись на мокрой листве, потерял равновесие. Даниил в два прыжка оказался рядом и

провёл удушающий захват. Через десять секунд Змей обмяк.

— Быстро! — скомандовал Даниил. — Рацию, оружие, патроны. И уходим.

Кира уже стаскивала с пояса Змея заветную рацию. Автомат она подобрала с земли, но Даниил покачал головой:

— Оставь. Слишком шумно. Возьмём пистолеты.

У Змея на бедре был «Глок», у молодого — старенький «ТТ». Даниил забрал оба, проверил магазины, сунул один Кире.

— Умеешь пользоваться?

— Отец учил, — она сняла с предохранителя, передёрнула затвор. Движения были уверенными. — Стреляю не как снайпер, но в человека попаду.

— Отлично. Тогда уходим. Скоро здесь будет весь их лагерь.

Они скрылись в джунглях, унося с собой рацию, два пистолета, запасные магазины и флягу с водой, которую Кира предусмотрительно сняла с пояса молодого боевика.

Пещера встретила их прохладой. Даниил сразу занялся оружием: разобрал, прочистил, проверил патроны. Кира колдовала над рацией.

— Частота зашифрована, — сказала она через пару минут. — Но шифрование примитивное, даже не военное. Похоже на коммерческий скремблер. Если у меня будет минут двадцать, я смогу её вскрыть.

— Вскрывать, — кивнул Даниил. — Только аккуратно. Если они поймут, что рация скомпрометирована, — сменят частоту.

Кира кивнула и погрузилась в работу. Она разобрала рацию, используя найденную в пещере острую ракушку вместо отвёртки, и начала что-то подкручивать в схеме, периодически поднося устройство к уху. Даниил смотрел на неё и не мог отвести взгляд. Это была не та Кира, которая годами сидела дома и ждала его с работы. Это была Сирена — сосредоточенная, быстрая, смертоносная. И это было чертовски привлекательно.

— Есть, — сказала она наконец. — Я на их волне. Слушай.

Из рации донёлся искажённый помехами голос. Говорили по-английски с сильным акцентом:

— ...сектор три чист, приём.

— Принято, сектор три. Сектор четыре?

— Сектор четыре, доложите.

— Тишина. Змей не отвечает.

Кира и Даниил переглянулись.

— Они уже нашли тела, — сказал он. — Скоро начнут прочёсывать джунгли. Нужно уходить к мысу сейчас, пока у нас есть фора.

— Подожди, — она подняла руку. — Я могу кое-что попробовать. Дайте мне ещё пять минут.

Она снова склонилась над рацией, подкручивая какие-то контакты. Даниил не понимал в этом ничего, но доверял её чутью.

— Готово, — объявила она. — Я перенастроила передатчик. Теперь, если я нажму на передачу, они услышат голос Змея.

— Но Змей без сознания в джунглях. Или уже очнулся и

доложил о нас.

— Не доложил, — Кира хищно улыбнулась. — Я стащила у него не только рацию. Ещё и кобуру с запасным магазином. И бейдж с его именем. На бейдже — штрих-код и личный идентификатор. Скорее всего, он используется для внутренней связи. Если я правильно поняла их протокол, они докладывают не голосом, а кодовым сигналом. Я могу послать сигнал, что у Змея всё в порядке, он просто повредил рацию.

Даниил смотрел на неё с плохо скрываемым восхищением.

— Ты вскрыла их протокол за пять минут по обрывкам переговоров?

— Я вскрывала системы посложнее, — она пожала плечами. — Это не Министерство обороны. Это кучка наёмников с плохим оборудованием и ещё худшей дисциплиной.

Она нажала кнопку, и рация издала короткий писк — кодированный сигнал. Через несколько секунд из динамика донёсся ответ:

— Принято, Змей. Продолжайте патрулирование.

Кира выдохнула.

— Купились.

— Ты чудо, — сказал Даниил.

— Я знаю, — она улыбнулась. — Но ты всё равно скажи это ещё раз.

— Ты чудо. И ещё ты очень страшная женщина, и я рад, что мы на одной стороне.

Браслеты замерцали зелёным. Правда. По обоюдному согласию.

Глава 11. Путь к мысу

Они вышли из пещеры, когда солнце стояло уже высоко. Джунгли прогрелись, и влажность стала почти невыносимой. Пот заливал глаза, одежда прилипла к телу, но они шли — быстро, молча, собранно.

Даниил держал направление по едва заметным ориентирам: изгибу ручья, форме скалы, положению солнца. Кира следила за тылом, каждые пятьдесят метров оборачиваясь и прислушиваясь. Пистолет она держала в руке, палец — на спусковой скобе. В такт шагам на поясе позвякивала трофейная рация.

— До мыса около трёх километров, — сказал Даниил.

— По прямой — меньше, но прямой дороги нет. Если не нарвёмся на патруль, будем на месте через час.

— А если нарвёмся?

— Тогда стреляй первой. Я прикрою.

— Раньше ты говорил мне: «Не волнуйся, дорогая, я просто задержался на совещании».

— Раньше я врал.

Браслет кольнул его — слабо, но ощутимо. Он поморщился.

— Извини. Привычка.

Они прошли ещё около километра, когда рация ожила. Голос был незнакомый:

— Внимание всем патрулям. Пропали двое заложников. Мужчина и женщина, оба в браслетах «Веритас». Особые приметы: мужчина — европеец, рост выше среднего, женщина — европейка, светлые волосы. При обнаружении не стрелять, брать живыми. Повторяю: живыми. Кобальт хочет допросить лично.

— Живыми, — повторила Кира. — Это хорошо?

— Это значит, что нас пока не убьют, — ответил Даниил.
— Но допрос у Кобальта — не то, чему стоит радоваться.

Они ускорили шаг. Джунгли начали редеть, сменяясь скалистой местностью. Восточный мыс был уже близко: впереди угадывался обрыв и белая пена прибоя далеко внизу.

Радиорубка обнаружилась неожиданно. Небольшое бетонное здание, спрятанное в скалах, с антенной-тарелкой на крыше. Окна были забраны решётками, дверь — стальная, с электронным замком.

— Вот она, — прошептала Кира. — Дай мне десять минут у замка, и я открою.

— У нас нет десяти минут, — Даниил указал на тропу, ведущую к рубке. — Смотри.

По тропе к зданию поднимались двое охранников. Они ещё не заметили беглецов, но через минуту-другую будут здесь.

— Прикроешь меня? — спросила Кира.

— Да. Иди.

Она рванула к двери, пригнувшись, перебегая от камня к камню. Даниил занял позицию за большим валуном и вскинул «Глок». Охранники приближались. Он насчитал двадцать секунд до контакта.

Кира тем временем добралась до двери. Электронный замок был модели, которую она знала — слава богу, стандартное оборудование частных охранных фирм. Она скинула заднюю панель и начала замыкать контакты, создавая короткое замыкание, которое должно было разблокировать дверь.

Первый выстрел Даниила прозвучал глухо — он целился не в охранников, а в камень рядом, чтобы заставить их залечь. Сработало. Оба боевика упали на землю, открыв ответный огонь. Пули застучали по валуну, выбивая каменную крошку.

— Кира! — крикнул он. — Быстрее!

— Почти!

Замок щёлкнул. Дверь открылась.

— Готово! — она юркнула внутрь.

Даниил сделал ещё два выстрела, заставив нападавших прижаться к земле, и бросился следом. Дверь захлопнулась за ним с металлическим лязгом.

Они оказались в небольшом помещении, заставленном стойками с оборудованием. Серверы, радиопередатчики, мониторы. В углу — рабочий стол с компьютером.

— Это то, что нам нужно, — Кира уже сидела за компьютером, стуча по клавишам. — Спутниковая связь. Я смогу отправить сигнал бедствия.

— Отправляй. А я пока подержу дверь.

Он придвинул к двери тяжёлый металлический шкаф, баррикадируя вход. Снаружи уже ломились охранники, дверь содрогалась от ударов.

— Сигнал уходит, — сказала Кира. — Но нам нужен военный канал. Без кодов доступа нас никто не услышит, кроме гражданских служб. А гражданские сюда не сунутся, пока остров под контролем боевиков.

Даниил подошёл к ней. На мониторе светилась строка за-

проса: «Введите код авторизации».

— Это коды СВР, — сказал он. — Если я введу их, центр узнает, что я здесь. И узнает, что я сотрудничаю с тобой. Это конец моей карьеры.

— Если ты не введёшь их, — ответила Кира спокойно, — это будет конец нашей жизни. Выбирай.

Он посмотрел на неё. Потом на браслет. Потом снова на неё.

— Я выбираю тебя, — сказал он и начал вводить код.

Браслет на его руке вспыхнул зелёным. Правда. Самая важная правда в его жизни.

Глава 12. Сеанс связи

Код авторизации состоял из двадцати четырёх символов — буквы, цифры, специальные знаки. Даниил набирал его по памяти, и каждый символ давался тяжелее предыдущего. Он знал: как только система примет код, в аналитическом центре СВР загорится красный сигнал. «Архитектор» вышел на связь. В нештатной ситуации. С неавторизованного терминала.

— Готово, — сказал он, нажимая Enter.

Экран моргнул. Строка статуса сменилась с «Ожидание» на «Соединение установлено. Идентификация подтверждена». Ещё через несколько секунд открылся интерфейс закрытого военного канала.

— Есть связь, — выдохнула Кира. — Пиши сообщение. Коротко. Координаты, ситуация, запрос на эвакуацию.

Даниил застучал по клавишам:

«Архитектор. Остров Веритас, координаты [данные]. Захват террористами, группа Кобальта, численность до 15 человек. Заложники — 30+. Запрашиваю немедленную эвакуацию и штурмовую группу. Со мной гражданское лицо, представляет оперативную ценность. Конец связи».

Он отправил сообщение и откинулся на спинку стула. Теперь оставалось только ждать.

— Сколько у нас времени до ответа? — спросила Кира.

— От пары минут до получаса. Зависит от того, кто на дежурстве и насколько быстро они смогут поднять тревогу.

Снаружи продолжали ломиться. Дверь держалась, но было ясно, что надолго её не хватит. Бетонные стены гудели от ударов.

— У меня есть идея, — сказала Кира. — Пока мы ждём, я могу покопаться в их сервере. Тут стоит оборудование «Веритас». Если я получу доступ к их сети, может, смогу узнать, что задумал Кобальт.

— Действуй.

Она развернулась к другому монитору и начала взлом. Пальцы летали по клавиатуре с такой скоростью, что Даниил не успевал следить за сменой окон и команд. Через пару минут на экране появилась структура внутренней сети курорта.

— Смотри, — сказала она. — У них тут целая база данных по гостям. Финансовые профили, психологические портреты, отчёты с браслетов. Кобальт скачивает всё это на внешний сервер. Он не просто требует выкуп — он собирает компромат.

— Зачем?

— Чтобы продать. Представь: у него в руках данные о тридцати богатейших парах мира. Их секреты, их слабости,

их счета. Это стоит миллиарды на чёрном рынке. Особенно если там есть политики и бизнесмены.

Даниил выругался.

— Значит, он не просто террорист. Он информационный брокер. Захват заложников — это прикрытие для кражи данных.

— Именно. И судя по логам, он уже скачал восемьдесят процентов. Ещё час-два — и он закончит.

На мониторе тем временем мигнуло сообщение о входящем сигнале. Ответ из центра.

Даниил прочитал и побледнел.

— Что? — встревожилась Кира.

— Они не могут выслать эвакуацию, — медленно произнёс он. — Остров находится в спорных территориальных водах. Любая военная операция будет расценена как вторжение. Нужно согласование на уровне ООН. Это займёт дни.

— Дни?! — Кира вскочила. — У нас нет дней! У нас нет даже часов! Дверь не выдержит!

— Дальше хуже, — он потёр переносицу. — Они приказывают мне уничтожить данные «Веритас». Любой ценой. Не допустить утечки. И ещё... они знают, что со мной гражданское лицо. Они спрашивают, кто это.

Кира замерла.

— И что ты ответишь?

— Правду, — сказал Даниил. — Мы договорились, помнишь?

Он набрал:

«Гражданское лицо — моя жена Кира Воронцова-Романова. Оперативный псевдоним Сирена. Сотрудничает с нами. Предлагаю полную амнистию в обмен на помощь в ликвидации утечки».

Браслет даже не пикнул. Правда.

Ответ пришёл через минуту:

«Принято. Амнистия одобрена при условии успешного выполнения задачи. Уничтожьте данные. Держитесь до при-

бытия дипломатической миссии. Ориентировочное время — 48 часов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.